

— Ура!—раздалось на ступеняхъ, когда тарантасъ мой подъѣхалъ къ крыльцу.

Неплёскинъ былъ въ старомъ военномъ кителѣ на распашку и въ кумачовой желтой рубахѣ поверхъ широчайшихъ нанковыхъ шароваровъ, что придавало ему какой-то армейскій видъ, но въ тѣхъ же очкахъ, съ такой же всклокоченной головой, и съ тѣмъ же кривымъ, черешневымъ чубукомъ въ рукахъ; пріятель его въ порывѣлой и выношенной до нитки триковой парѣ:—оба безъ галстуковъ и въ туфляхъ. Покуда я вытѣзалъ и здоровался, извиняясь за поздній часъ, въ отворенное окно поспѣшно выглянула головка еще не старой женщины и окинувъ меня любопытнымъ взоромъ, столь же поспѣшно скрылась. Громкій говоръ на ступеняхъ крыльца и суетливый топотъ босой прислуги въ сѣняхъ, храпъ лошадей у подъѣзда и горничная со свѣчкой въ дверяхъ, все было, какъ это обыкновенно бываетъ у насъ на Руси, въ подобныхъ случаяхъ. Домъ освѣтился; въ гостиной, гдѣ было уже на скорую руку прибрано и горѣла лампа, на встрѣчу мнѣ вышла съ привѣтливою улыбкой, видимо нѣсколько принаряженная хозяйка.

— Лариса Дмитриевна, нашъ х—скій избавитель,—представилъ меня Горностаевъ.

Она разсыпалась въ благодарностихъ.

— Мнѣ такъ совѣстно,—говорила она:—что вы сами обезпокоились... Я не смѣла надѣяться... Посѣщенія между сосѣдями нынче такая рѣдкость; и близкихъ-то въ кои вѣки дождешься, а вы, какъ я слышала, далеко не изъ близкихъ... Не знаю, какъ и цѣнить такое вниманіе!..—Она вздохнула.—Опять, теперь, наше Ольхино... Еслибъ вы видѣли его въ прежнія времена, вы не узнали бы. Но вы сами изъ здѣшнихъ и мнѣ вамъ нечего объяснять, какъ теперь трудно людямъ, которые не имѣютъ, кромѣ земли, какихъ-нибудь независимыхъ средствъ... Она опять вздохнула и мы усѣлись.—Не насъ однихъ разорило новое положеніе...

— В-в-ременно,—скромно замѣтилъ Петръ Ивановичъ. Жена оглянула его и словно не удостоивая вниманія, остановила какой-то странный, какъ бы вызывающій взоръ на его пріятель; но Неплёскинъ молчалъ. Въ Ольхинѣ очевидно существовало правительство съ строго-консервативнымъ характеромъ и либеральная оппозиція; но послѣдняя, сколько можно было судить, не пользовалась свободой слова. Я съ любопытствомъ посматривалъ на правительство. Это была невысокаго роста, но стройно сложенная и до сихъ поръ еще недурная собою, живая, проворная барыня лѣтъ тридцати-пяти. Сильный загаръ и нѣсколько грубоватый на